

ляет стоическую концепцию, только четверо озабочены счастьем других и только пятеро отметили эфемерность счастья.

Объяснить это можно двумя способами: либо «книжная» и «обыденная» языковые личности в этнической культуре изначально не имели и не имеют ничего общего, либо за последние четверть века менталитет нации кардинально изменился, и речь идет о смене модального типа личности.

В частности, что касается «счастья Родины», то здесь можно предполагать, что либо русскому человеку надоела безответная любовь одной стороны и беззастенчивая эксплуатация патриотизма другой стороной, либо наконец-то любовь к Родине отделилась у него от любви к начальству, и «национальная гордость великороссов» теперь вербализуется какими-то окольными путями, минуя прямые номинации, как британский патриотизм.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 2004.
2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.
3. Гильдебранд Д. фон. Метафизика любви. – СПб., 1999.
4. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. – СПб., 2001.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Преступление и наказание. Рукописные редакции. – Л., 1973. Т. 7.
6. Касьянова К. (Чеснокова В. Ф.) О русском национальном характере. – М., 2003.
7. Короленко В.Г. Повести и рассказы: В 2 т. – М., 1966. Т. 1.
8. Нет несчастней россиян! // <http://www.km.ru/04.10.03>.
9. Стефаненко Е.Г. Этнопсихология. – М., 2004.
10. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М., 1981
11. Трифонов Ю.В. Повести. – М., 1978.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. – М., 2000. – Т. 3.
13. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М., 2002.
14. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. – М., 1956. – Т. 10.
15. Duijker H. P., Freida N. H. National character and national stereotypes. – Amsterdam, 1960.
16. Inkeles F., Levinson D. J. National character: the study of modal personality and socio-cultural systems // Handbook of social psychology / Ed. by Lindzey. Vol. 2 – Cambridge, 1954. – P. 970–1020.

АКТИВАЦИЯ ФРЕЙМА «ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ» РЕЧЕВЫМИ СРЕДСТВАМИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЖЕСТОВЫХ КИНЕМ

Ю.В. Голубева
Белгород

Жестикуляция является одним из важнейших средств повышения эффективности коммуникативного акта. Наиболее активно жестовые кинемы используются при непосредственном общении людей, в диалогической речи. Диалог как форма речи характеризуется широким спектром ярких, выразительных, разнообразных невербальных кинесических средств общения, сопровождающих, а иногда, и заменяющих вербальную речь (Верещагина 2000: 13). Как и любое явление действительности, ситуация использования жестов

в процессе коммуникации может быть вербализована языковыми средствами. В художественной литературе, особенно при описании бытового диалога, авторами обязательно отражены кинесические явления вообще и жесты, в частности. «Описания жестов в художественной литературе способствуют адекватному восприятию читателем произносимых героями слов и служат художественным изобразительным средством» (Блинова 1994: 9). В современной английской и американской художественной литературе жестовые кинемы отражены широким пластом лексики. К средствам вербализации жестовых кинем относятся простые глаголы соответствующей семантики (*gesture, gesticulate, nod, point, shrug, wave* и т.д.), фразовые глаголы (*make a bow, give a nod* и т.д.), именные сочетания (*with a nod, with a gesture* и т.д.), устойчивые глагольные сочетания (*shake one's head, tip one's hat* и т.д.), неустойчивые глагольные сочетания (*raise a finger, spread one's palm* и т.д.).

Объектом рассмотрения данной статьи являются глаголы и глагольные сочетания разной степени устойчивости, обозначающие жестикуляцию. В силу своей содержательной специфики, функциональной значимости, высокой частотности в текстах художественных произведений глаголы и глагольные сочетания, обозначающие жестикуляцию, не раз попадали в поле зрения лингвистов и изучались либо как отдельная лексико-семантическая группа, либо в составе всего комплекса средств вербализации кинесики. Глаголы и глагольные сочетания, обозначающие жестикуляцию, изучаются нами с позиций когнитивной лингвистики, в рамках теории фреймов. Нами предпринимается попытка показать как жестовые глаголы и глагольные сочетания репрезентируют соответствующий фрейм. Одним из исходных теоретических положений данной статьи является признание знакового характера жестикуляции. При этом вслед за В.М. Солнцевым (1977), Ю.С. Степановым (1971) и др. мы придерживаемся широкого понимания знака как носителя информации. Таким образом, знаковым характером обладают не только произвольно исполняемые жесты, рассчитанные на чье-либо восприятие, но и так называемые симптоматические (по Г.Е. Крейдлину 2001), выводящие во вне эмоциональное состояние отправителя жеста. Например: 1) *Brenna's small hands clenched into fists as a lady seated just behind her ventured a whispered comment to a friend about the merits of wrestling with Guyon* (Seeger, 49). 2) *Her hands had trembled and her mouth had gone dry when he'd answered* (Blume, 293). Знаковый характер номинатов изучаемых глаголов обуславливает специфику их семантики. В семантической структуре глаголов жеста помимо глагольных сем, отражающих вербализуемые глаголами действия, обязательно присутствуют одна или несколько символических сем, отражающих те или иные передаваемые жестом абстрактные идеи. Например: *Shrug – lift (the shoulders) slightly (to show indifference, doubt, etc)* (OALDCE 1974: 810).

Как известно, языковой знак состоит из означающего (в нашей работе это глагольные наименования жестов) и означаемого (то есть реально существующих жестов). «Вербализации кинем не тождественны обычным языковым выражениям предметов и явлений объективного мира» (Блинова 1994).

8). Семантика глагольной лексики, используемой для вербализации жестовых кинем, весьма сложна, так как «языковые фиксации кинем являются знаком знака и имеют как бы трехчленную структуру; лексема – форма значения жеста – значение. То есть вербализации кинем берут на себя не семантику вербального знака, а семантику реального жеста» (Блинова 1994: 9). Таким образом, для моделирования фрейма «жестикуляция» необходимо изучить не только семантику и особенности функционирования глагольной лексики, активизирующей данный фрейм, но и семантику денотатов рассматриваемых лексем, то есть жестовых кинем как таковых, для чего должны быть привлечены экстралингвистические данные таких смежных наук, как паралингвистика, семиотика, психология, психолингвистика.

Фрейм «жестикуляция» рассматривается нами как прототип, как то когнитивное основание, которое позволяет нам объединить в одну лексическую категорию как глаголы и устойчивые глагольные сочетания с системным значением жестикуляции, так и неустойчивые глагольные сочетания, а также глаголы других семантических групп, способные лишь на функциональном уровне, в определённом контексте обозначать жестикуляцию, но не имеющие в своих словарных дефинициях соответствующего компонента. Лексические единицы, относящиеся к ядру и ближайшей периферии лексической категории глаголов жеста, а именно: *gesture, gesticulate, motion, nod, point, shrug, wave, bow, tremble, shudder, shake one's head, shake hands, nudge, point, applaud, kneel, beckon, shake one's finger at sb/ one's fist at sb, clench one's fingers/fists, touch one's arm/shoulder, touch wood, tip one's hat, rub one's hands, thumb a lift* и др. – являются системными средствами отображения жестовых кинем. Они вербализуют прагматически освоенные (по Г.Е. Крейдлину), общепринятые, массовые жесты. Глаголы и свободные (неустойчивые) глагольные сочетания, относящиеся к дальней периферии, а именно: *to poke, to sign, to indicate, to move, raise one's hand, spread one's palm, flutter up one's hands* и др. – не зафиксированы в словарях как средства отображения жестов и в их семантической структуре отсутствует значение жестикуляции. Они используются для вербализации, главным образом, прагматически неосвоенной или плохо освоенной жестикуляции, а также для отображения каких-либо особенностей исполнения или содержания прагматически освоенных жестов. А.В. Дементьевым (1985) при описании средств вербального отображения кинесики были учтены как языковые (специализированные, зафиксированные в словарях), так и речевые (дополнительные, понимаемые нами как средства дальней периферии), выступающие как средства вербализации кинесики лишь в определённом контексте в составе предложения-высказывания, содержащего какие-либо дополнительные индикаторы жестовой природы описываемого действия. К речевым средствам вербализации кинесики автор относит неустойчивые глагольные сочетания и речевые обороты, создаваемые по мере необходимости для обозначения кинем, не являющихся общеупотребительными и поэтому не имеющих специальных вербальных обозначений, а также для отображения каких-либо конкретных особенностей в материальной или содержательной стороне общеупотребитель-

- 8 Hornby A S Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford, 1974.
- 9 Johnson L Dangerous minds – N Y , 1993
- 10 Salinger J D The Catcher in the rye – M , 1979
- 11 Seger M Defiant love – N Y , 1982
- 12 Sheringham S Cuckoo in the nest – London, 1991.

ОТРАЖЕНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В.Б. Гольдберг
Тамбов

Целью исследования является попытка преодолеть отмечающийся в настоящее время разрыв между изучением когнитивной деятельности человека, с одной стороны, и моделированием языковой системы, с другой. Неоспоримо, что эти два аспекта между собой тесно связаны.

Подход к моделированию лексических объединений с позиций когнитивной лингвистики показал, что парадигматические модели лексического объединения отражают когнитивную деятельность человека: статичное знание об окружающей действительности и динамические процессы познания.

Для моделирования необходим учет таких параметров, как структура лексического объединения, т.е. структурные связи между его элементами, и характер отражаемой в нем когнитивной деятельности человека.

Были выстроены две модели – лексико-семантическая группа (ЛСГ) и идеогруппа, представляющие разные уровни отражения знаний человека об окружающей действительности. ЛСГ можно квалифицировать как модель, построенную без включения концептуального уровня в сферу изучения лексики, а идеогруппу – как модель, построенную с включением концептуального уровня в сферу изучения лексики. Необходимость обращения к понятию идеогруппы возникает при выборе точки отсчета в процессе систематизации исследуемой лексики. В зависимости от ситуации или наблюдателя в фокус внимания попадают разные признаки, чем обусловлена смена выбираемой точки отсчета при систематизации объектов и обозначающей их лексики. Признак объекта, попавший в фокус внимания, отражается в семантической структуре слова. В соответствии с тем, какую точку отсчета выбирает наблюдатель, выстраиваемая модель идеогруппы охватывает разные элементы и оказывается в каждом случае иной.

Данные модели выполняет функцию двойного отражения. С одной стороны, базируясь на семном составе слов, отражающем знание носителей языка о признаках действительных объектов, эти модели отражают знание носителей языка об объектах, обозначаемых исследуемой лексикой. С другой стороны, эти модели представляют знания о мире особым образом – через знание лингвиста о соответствующем фрагменте языковой системы.